

4. Гиренок, Ф. Хармс и софиология / Ф. Гиренок // *Завтра*, март 2016, № 9 (1161). – С. 6.

5. Фалько, В.И. Систмология для гуманитариев / В.И. Фалько // *Философские науки*. 2003. № 2. – С. 150–155.

Шелестова Е. Н.

ФИЛОСОФ АВЕНИР УЁМОВ И ХУДОЖНИК ОЛЕГ СОКОЛОВ

В мае 1990г. над гробом Олега, стоявшем в вестибюле музея западного и восточного искусства, которому покойный отдал ровно половину жизни, присутствовавший на похоронах Авенир Иванович произнес одну весьма знаменательную фразу: «Когда я приехал в Одессу, здесь не было застоя, потому что здесь работал художник Олег Соколов». Когда вскоре после похорон музей решил создать мемориал художника в виде музея-квартиры и потребовалась поддержка влиятельных и именитых горожан-одесситов, Авенир Иванович написал своеобразную петицию, обращенную к городским властям. Вот оно, это обращение к горсовету под названием «Художник и мыслитель»:

«Олег Соколов принадлежит к числу наиболее выдающихся современных наших художников. Основное достоинство его живописи – её философское, мировоззренческое звучание. Отображая явления действительности, автор усматривает в них невидимую простым глазом сущность. Он мог иллюстрировать философские категории. Особые заслуги Соколова – в сфере синтеза живописи и музыки. Здесь он продолжил традиции Чюрлёниса. Выставки работ О.Соколова, которые устраивались в Доме учёных при участии Одесского отделения Философского общества СССР, пользовались неизменным успехом. Однако его на своей родине не всегда оценивали должным образом. За рубежом, в частности, в такой далёкой стране как Япония, он был более известен. Но его имя должно войти в ряд таких одесситов, как Ильф и Петров, Юрий Олеша, Вера Инбер, Давид Ойстрах, Леонид Утёсов и т.д., внесших вклад в развитие мировой культуры. Его творчество будет служить миру и после смерти. Долг Одессы и перед Соколовым, и перед интересующимся нами миром, открыть мемориальное помещение, которое должно стать центром пропаганды его творчества.

Вице-президент Украинского Философского общества,
Председатель Одесского отделения,
доктор философских наук,
профессор А.И.Уёмов».

Это воззвание опубликовано в сборнике «Одесский музей западного и восточного искусства», выпущенном к 90-летию юбилею музея в Одессе в 2014 году («Астропринт»), с.80. Это была очень авторитетная поддержка идеи увековечения памяти художника, считавшегося первоначально подпевалой европейско-американскому авангардизму середины XX века, а на самом деле бывшего представителем второй (послевоенной) волны отечественного авангарда и работавшего под руководством художника-педагога Т.Б.Фраермана, много лет проведшего в Париже; Олег интуитивно уловил европейскую ориентацию или как сейчас говорят: «европейский вектор творчества», весьма актуальный, что и говорить, в наше время, в современной Украине. Он, как говорится, опередил время утверждения в славянском сознании европейских художественных и эстетических идеалов. Это произошло («опережение действительности», по П.Анохину!) не только в силу отточенной интуиции художника, но и в силу объективных причин типа «чуда» - пришествия будущего времени раньше своего часа – футурошок – так называл это как казалось сверхъестественное событие нидерландец Олвин Тоффлер, возвестивший и катастрофальную сторону этого феномена – якобы, приход будущего раньше времени поверг человечество середины XX века в панику, сопровождающуюся полнейшей потерей ориентации в законах земного бытия.

Но – скажем от себя – не все «потерялись», отнюдь. Например, «не потерялся» выдающийся философ по имени Авенир (что значит по-французски «будущее»), аккурат в это самое время переехавший из России на ПМЖ в Одессу и сразу же ставший городской легендой футурологии. Так в городе называли возглавившего кафедру философии ОГУ им. И.И.Мечникова А.И.Уёмова. Как сейчас помню, я была тогда выпускницей этого учебного заведения, известного своими интеллектуальными достижениями в экспериментаторски-новаторском духе далеко за пределами нашего региона. Уёмов сразу же стал «властителем дум» и для студенческой молодёжи, и для интеллигенции в целом. Это был знаменитый период «оттепели» - благословенные шестидесятые годы, спасительные, в частности, и для художника-абстракциониста Олега Соколова, которого собирались

уже было выслать из города. Избавиться от художника, для пущего унижения получившего предложение от нововведенного телевидения сыграть абстракциониста в карикатурном ключе (тогда бытовали сравнения работы художников-абстракционистов с «работой» ослиного хвоста и т.п.). Олег отказался играть такую роль, ибо уже перед смертью задумал написать книгу «Встреча разума с инстинктом», имея в виду «непогрешимость инстинкта» (была у него и такая работа). Инстинкта животных, о которых Тейяр де Шарден говорил, что «они знают, но только не знают об этом». Об отношении Соколова к животным я расскажу особо, например, об их экстраполяционном рефлексе и прочих преимуществах перед человеком.

Приезд в Одессу футуролога (Уёмова первое время в Одессе называли не иначе, но потом это как-то стусевалось) был очень знаменателен. Здесь он встретился с Олегом, который и сам был футурологом своего рода – он угадывал будущее человека по почерку, за что журналист Ф.Кохрихт назвал его «вещим Олегом». Так или иначе, эти двое – учёный Уёмов и художник Соколов обрели как бы спокойно-уверенную поддержку друг в друге, в тот период, когда остальные представители и науки, и искусства, панически, как считалось, переживавшие тоффлеровский футурошок, поняли, что им нужно объединиться, отбросив специализацию и занявшись только общими проблемами. Стихийно и сознательно сложился, впоследствии ставший нарицательно-парадоксальным, союз, симбиоз, альянс науки и искусства. Называлось это поначалу чем-то вроде «братания физиков и лириков», причём громко звучали голоса, считавшие, что это взаимопроникновение происходило под эгидой искусства. Разве об этом не свидетельствовал выброшенный в озонированный, наэлектризованный воздух эпохи шестидесятников лозунг Л.Ландау: «Заниматься наукой из любви к искусству»?! Речь шла поначалу о поиске красоты и изяществе доказательств, являющихся, якобы, доказательством истинности доказательств. А затем – дальше больше! – вспомнили Достоевского «Красота спасёт мир», а не что-либо другое, ибо, как отмечал в своих лекциях по философии А.И.Уёмов (напечатанных гораздо позднее по известным причинам), философия марксизма-ленинизма не видела какого-то нового источника энергии для выхода из энергетического кризиса, рождённого идеями Клаузиуса о тепловой смерти Вселенной. Разбитый Лениным, но не «на голову», В.Оствальд всё же утвердился как провозвестник новой (не материализм и не идеализм) парадигмы

энергетизма (так стали называть постклассику методологии 80-х, например, киевский доктор геогр.наук, академик В.Пашенко). Кстати, и Уёмов, и Соколов работали и каждый по-своему, и сообща на эту парадигму, имевшую своим оружием уже не закон (период классики), не теорию (период не-классики), а концепцию (постнеклассика). Философ ОНУ Лидия Богатая, выступая на IV Уёмовских чтениях, утверждала, что слово «концепт» у профессора Уёмова было чуть ли не самым избранным (по крайней мере, любимым), если не термином, то словом. Это не случайно – концептуализм как столкновение и сцепление (вроде союза физиков и лириков в историческом развороте) закончился в 60-е годы их взаимопроникновением. В сфере искусства об этом говорилось в кино (Эйзенштейн и Пудовкин), в изобразительном искусстве (так Соколов, по слухам, объявлялся в Киеве не абстракционистом, а концептуалистом). Он был «за» сцепление, а не только «столкновение». Родоначальник абстракционизма В.Кандинский был абстракционистом другого рода – он сравнивал свою живопись именно со столкновением «грохочущих миров», но о сцеплении этих миров (как у Эйзенштейна и Пудовкина) у него речи не было. Он называл своё искусство «беспредметничеством». Видимо, для Уёмова беспредметничество не представляло интереса, ибо он сам был адептом вещного начала – в полной мере, как создатель еще не до конца оценённого новаторского системологического учения под названием «Вещи, свойства и отношения». Предмет – не вещь, а отсутствие предмета, его «изгнание» - тем более, видимо, не было интересно Уёмову. Кандинский признавался, что его искусство родилось от шока: факт расщепления атома, писал он, будучи современником этого события в физике, приведшего впоследствии к созданию атомной бомбы, поверг его в ужас: «мне казалось, что камень может подняться на воздух и растаять в нём». Впоследствии аргентинский математик М.Бунге считал создание атомной бомбы чудовищной ошибкой непонимания природы атомного ядра – то, что ядро - состояние связанности - стало достоянием науки слишком поздно. Уёмов оценил в Соколове именно преданность идее связанности, синтеза, аристотелевской соотнесённости с моментом обоюдности (это уточнение слову «синтез» внесла Л.Н.Теренььева, доктор философии, жена и ученица Авенира Ивановича).

Соколов и Уёмов работали в Одессе, редко встречаясь, но фактически работали в одном ключе и шли в одном фарватере на протяжении тридцати лет в атмосфере соотнесённости и связи, хотя Уёмов

оставался учёным, а Соколов – художником. «Системность» мышления у них была совершенно различная, даже диаметрально противоположная - вспомним картину Рафаэля «Афинская школа» - Платон поднял палец вверх, в небо, а Аристотель – вниз, указывая на землю. Я позволяю себе эту аналогию с «Афинской школой» потому, что у Соколова есть стихотворение, посвященное Авениру Ивановичу, начинающееся так:

«На перекрёстке вечности идей
И представлений о Вселенной
Опять стоим мы там же, где
Они стояли с мыслью пленной».

Олег, которого в недавно вышедшей книге о художниках-шестидесятниках Украины представили читающей публике как «штейнерианца», действительно следовал этому основателю антропософии (есть у него работа «Пророчество доктора Штейнера», 1988г.). Следовал, в первую очередь, штейнеровскому тезису: «Христианство – космический факт, перенесенный на Землю». В вышеупомянутой книге о шестидесятниках Олег представлен как космист (и не только в моей статье). Поэтому его представление о космической системности отталкивается от слов Иисуса в Евангелии от Иоанна: «Мир оставляю вам и мой мир даю вам, который не так, как мир даёт». Действительно, в небесном, христианско-космическом мире целое и часть как бы враждебны друг другу. «Мир лежит во зле» (Исайя) - это значит, что миром в целом правит дьявол, а Бог, по Исайе, контролирует каждого отдельного человека. Если вернуться к тезису о спасительности красоты, то следует вспомнить из Достоевского ещё и это: красота – это борьба между дьяволом и Богом и ареной этой борьбы является душа человека (душа художника). «Одинокое множество звёзд» - есть в записных книжках Олега такая фраза. Части небесной «системы», следовательно, мыслятся сами по себе. Но известно, что когда взрывается (= вспыхивает) сверхновая звезда, то её свечение, её светоносность равна сумме свечений всех звёзд небесного свода. Видимо, о таких случаях «системности» сложилось выражение по-латыни «pars pro toto» (часть как целое). Жертвенность необходима, хотя прирождённая гуманность Уёмова противопоставляла логику как науку искусству (например, мореплавания), в первом случае – налицо меньше жертв как результат применения логики (здесь он ссылался на физика лорда Кельвина). Что же, спутником искусства является речение «Искусство требует жертв».

Кибернетика с её рысканьем-дрейфом – перелёт-недолёт-цель сродни мореплаванию и управлению судном. Недаром А.И. пригласил в 1975г. Соколова с выставкой на кибернетический симпозиум по ситуационному управлению и написал об этой выставке удивительно гуманную статью, защищая соколовскую цветомузыку от нападок одесского поэта Ю.Михайлика, считавшего, что Соколов недостаточно целостен. Уёмов возразил, что у Соколова налицо стремление к целостности и разве, мол, этого недостаточно?! Это говорил он, классически-категоричный логик. В данном случае он «поддержал» искусство в его борении с хаосом за красоту, которую, по словам поэта Э.М.Рильке, любимого Соколовым, «нельзя сделать, можно только создать благоприятные условия для того, что иногда изволит обитать среди нас, сама вещь, мол, не прекрасна, но всё же она – томление по красоте». Ещё один пример понимания (признания и поддержки) Уёмовым экспериментов Соколова. Мы приводили эту цитату – Соколов умел видеть и изображать сущность. В лекциях по философии, читанных уже в XXI веке, А.И. признаётся, что его культовый учитель Аристотель не верил в реальное существование сущностей. А Платон, дескать, верил в то, что сущность сама по себе существует. То, что учёный-аристотелианец как бы дал присягу Платону (а тем самым и равное право искусству иметь не только «свою» системность, но и свою феноменологию) говорит о кристальной объективности учёного, подавшего руку инакомыслящему.

Альянс между искусством и наукой в 60-е годы многому ещё может научить. Для этого в первую очередь надо написать книгу о философах и учёных-шестидесятниках. Уёмову отвести первую главу. Более двух тысячелетий тому назад его кумир Аристотель не то, что сетовал, но констатировал, что времени как такового в мире совсем немного, т.к. прошлого уже нет, а будущего ещё нет... А когда пришло время выступить на историческую сцену одному из лучших учеников великого учителя, то время предоставило Уёмову, как говорят на современном языке, бонус – темпоральное почти половодье. И здесь он проявил себя как «спасатель на водах», методолог, действующий по принципу Френсиса Бэкона: «Я не судья, а перст указующий». Заметим, что Маяковский говорил:

«Будущее не придёт само,
Если не примем мер».

Уёмов принял, видимо, меры, заложив в систему своего детища ЯТО футуристический код, индикатор в виде ключевого слова «за-

ранее» заданного свойства и отношения, что заставило некоторых атеистов вроде киевского географа Ю.Тютюнника подозревать в этом контексте участие Бога. Но Уёмов был осторожен в этом вопросе, ибо доказать существование или отсутствие Бога, говорил он, помню, на одном философском диспуте, невозможно. Что касается Соколова, он утверждал в духе лейбницево-эйнштейновской божественной «предустановленной гармонии» свою платоновскую и одновременно штейнерианскую точку зрения:

«Пролог от Автора - всегда им будет Бог
Первичной неосознанной идеей».

Возможно, и сущность представлялась ему идеей, это можно предположить, хотя знакомые философы из его окружения утверждали ещё в 60-е годы, что Соколов «изображает именно идеи». Платон, как известно, полагал, что идеи «находятся» в одном «кунном месте» (*topos noetos*). Отсюда рукой подать до украинской идеи В.Вернадского – до идеи *ноосферы*. Ноэтоз и ноосфера ведь одного корня? Но что-либо утверждать несолидно, т.к. искусство – это синоним тайны, на языке Евангелия «домостроительство Тайны». Взламывать семь печатей Тайны не стоит. Вдруг она откроется сама. Сущность явится явочным порядком, ведь положение о том, что явление существенно, а сущность является – это аксиома. Вышеизложенные эскизные наброски автор надеется развить в книге более доказательно.

Щедрин А. Т.

ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ «СЕТІ-СЕТІ»: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Среди многих проблем науки (от классической до постнеклассической) устойчивый интерес вызывает проблема бытия *внеземного разума (ВР)*. Она имела содержательную предысторию уже в культурном универсуме традиционного общества. Её трактовки имели не только натурфилософский, но и теологический, эзотерический, художественный, дидактический и т. д. характер. Вместе с представлениями об *Ином разуме (ИР)*, *внечеловеческом разуме (ВчР)*, проблема бытия *ВР* входит в содержание фундаментальной универсалии культуры, которая имеет различную степень «проявленности» в каждую из эпох её развития, а их интерпретации в культурном уни-